

ПРОБСА

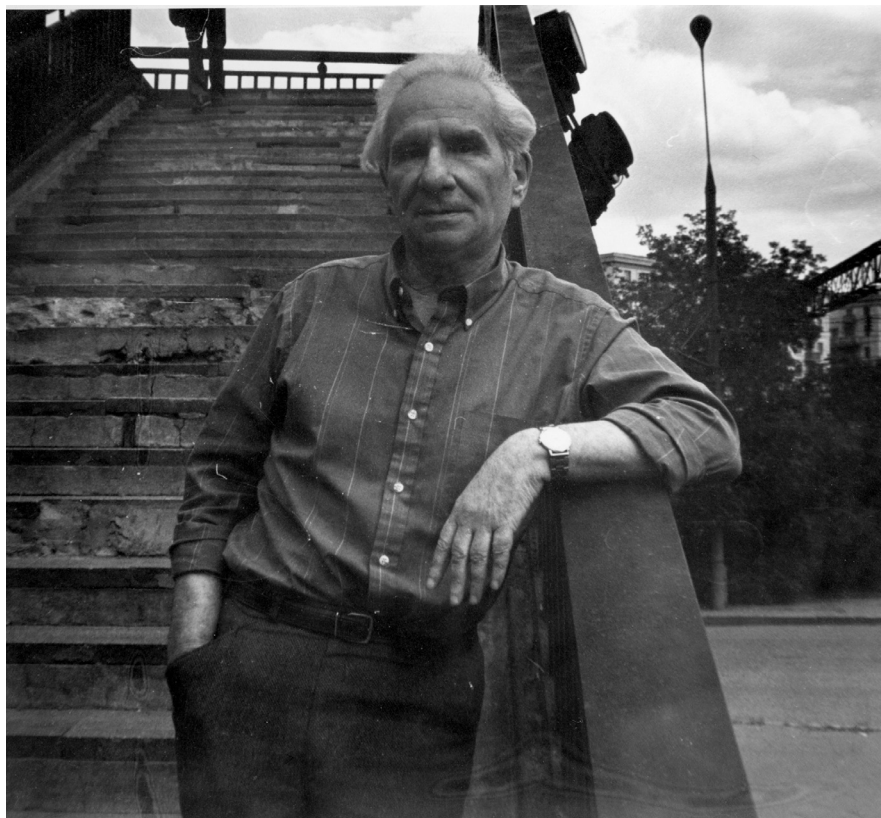
Все с ума
все с ума *нерасходивши,*
посходивши

Все с ума посходивши. Все с ума посходивши.
Все с ума посходивши. Все посходивши с ума. Проба пера.
А. Володин

6 февраля 2014 года
Вечер первый

ЮБИЛЕЙНЫЕ «ПЯТЬ ВЕЧЕРОВ», или У КАЖДОГО СВОЙ ВОЛОДИН

В 2014 году Александру Моисеевичу Володину исполнилось бы девяносто пять лет, а фестивалю, что носит его имя, — десять. Двойной юбилей. В честь праздника принято решение внести в афишу ряд изменений. Впервые Десятый Володинский не соответствует названию: длится не пять, а шесть вечеров. При этом три из них — музыкальные, и три — собственно драматические. Музыкальная часть состоит из выступления группы Кабаре-бэнд «Серебряная свадьба», спектакля Алексея Паперного «Август» и квартирника «кудряшей», посвященного творчеству В. Высоцкого.

Традиционно линейно выстроенная программа по принципу «один день — один показ» лишена основного признака: спектакли идут, как правило, в параллель — по два, а то и по три зараз. Так, например, шестого февраля «На Литейном» можно посмотреть постановку Павла Южакова «Фабричная девчонка» «Первого театра» из Новосибирска. В это же время на большой сцене Молодежного театра на Фонтанке пройдет показ спектакля «С любимыми не расставайтесь» Генриетты Яновской (МТЮЗ). Девятого февраля в театре «На Литейном», Большом театре

кукол и в театре-фестивале «Балтийский дом» пройдут «Август» Алексея Паперного, «Кеды» Алексея Забегина и «Осенний марафон. Р. С.» Анатолия Праудина соответственно.

Необходим выбор. По мнению арт-директора «Пяти вечеров» Марины Юрьевны Дмитриевской, так даже интереснее: участники мгновенно включаются в работу фестиваля, самостоятельно продумывают маршрут, исходя из собственных эстетических запросов, художественных, драматических и театральных предпочтений.

Единственное, что осталось без изменений, — композиция и структура программы «Первая читка». С седьмого по девятое февраля в Большом театре кукол режиссеры Мария Романова, Александр Никаноров, Денис Шибаев, Савва Чеботарь, Георгий Цнобиладзе, Ольга Сороткина представят эскизы пьес «Девочка и птицы» Я. Пулинович, «Великое переселение уродов» Н. Рудковского, «Сигналы примирения» М. Крапивинной, «Вышел месяц из тумана» И. Горец, «Среда для Синичкина» О. Морозовой, «Такая любовь» Д. и Я. Гуменных. В рамках off-программы состоится авторская читка Владимира Антипова и Алексея Забегина драмы «Четырнадцать плюс».

10 февраля в 11:00 от Драматического театра «На Литейном» пойдет автобус на Комаровское кладбище, возложение цветов на могилу А. М. Володина.

Яна ПОСТОВАЛОВА

ИЗ ВОЛОДИНА

По одной программе — лютя, по другой программе — песня...

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ. ВОЛОДИН В КОНТЕКСТЕ ДРАМАТУРГИИ XX–XXI ВЕКОВ

Несмотря на то, что торжественное открытие Десятого международного театрального фестиваля «Пять вечеров» запланировано на шестое февраля, днем ранее в здании Театральной академии на Моховой прошла третья научная конференция «Володин в контексте драматургии XX–XXI веков». Участники — филологи и театроведы из Москвы, Самары и Санкт-Петербурга.

Программа конференции составлена таким образом, что совершенно очевидны два направления: первое — актуальность володинской драматургии; второе — Володин и «володинское» в новой русскоязычной драме.

«Что — добро? Что — зло?» — спрашивает А. А. Степанова в докладе «Проблема повседневности в драматургии Володина и Пряжко». Сегодня каждый может ответить только за себя, да и то далеко не всегда: понятия размыты, мы помним о них, как о прописных истинах, воспроизводим, не задумываясь. В пьесах Володина, в драматургии того времени, критерии истинного и ложного четко определены. И дело, верно, не в советской — в человеческой, гуманистической идеологии. По мнению М. Дмитриевской, сложность постановки Володинских пьес заключается в их особой структуре, основа которой — «совершенно особая этическая система», ставшая архаичной, чуждой дню сегодняшнему.

Обсуждая используемые писателем драматургические приемы, докладчики приходят к выводу, будто место Володина между Островским и Чеховым, однако оговаривая: по форме произведения Александра Моисеевича тяготеют к Островскому. Н. С. Скороход шутит: «Что может быть консервативнее Островского? — Только Пулинович».

Консервативность формы Володинских пьес сочетается с приемами, нередко встречающимися в новейшей русскоязычной драме: монологич-

ность, поэтичность, ритмизация текста. Н. С. Скороход приводит в пример пьесы Вырыпаева, студентка РГГУ А.-М. Апостолова, рассуждая о монодраматических высказываниях, сравнивает Володина с Е. Исаевой.

Современные драматурги переняли от Володина не только формальные приемы, но и некоторые аспекты содержания. Проблемы свободы и самоидентификации в пьесах Володина связаны с советской властью, с искаженной «повседневностью». Сегодня советской власти уже нет, но есть капитализм, связанный с ним миф о благополучии и абсолютной свободе есть иллюзия, навязываемая почти с идеологическим рвением.

Герои Володина лишены традиционного «героизма». Они неудачники. Но Володин своих героев/не героев, этих неудачников любит и выделяет, обращая внимание прежде всего на их исключительность. В современной драматургии герои тоже «ни разу не герои». И если у Володина не герои называются интеллигентным словом «неудачники», то наши сегодняшние — просто лузеры, ничем не выделяющиеся, вставшие вровень с массой.

С какой позиции подходить к такой драматургии сегодня? На конференции стало очевидно, что для подобного типа драматургии нужен совсем иной подход, принципиально отличный от того, что предлагает постмодернистский театр.

Для подавляющего большинства молодых режиссеров Володин уже не современник, но еще и не классик. Поверхностная неактуальность его драматургии, казалось бы, должна проложить пьесам Александра Моисеевича дорогу на дальние полки, чего, очевидно, не происходит. Произведения Володина лишены пафоса, они жизненны и глубоки. Постепенное превращение писателя в классика российской драматургии диктует иной взгляд на сценическое воплощение. По-видимому, этот новый угол зрения, особый способ видения гуманистических пьес Володина современной режиссуры еще только предстоит найти.

Марина Дмитриевская — театральный критик, театровед, кандидат искусствоведения, профессор кафедры русского театра СПбГАТИ:

Исследование драматургии мне чуждо: пока пьеса не поставлена, я ее, как правило, не понимаю и не воспринимаю. А поскольку пьесы А. Володина ставятся, и благодаря фестивалю ставятся все больше и больше, то была возможность посмотреть на границы интерпретации текста. Проблема состоит в том, что Володин — драматург, не поддающийся интерпретации. Это объясняется, на мой взгляд, следующим: в основе его пьес не эстетическая — этическая система. И эти этические координаты настолько вбиты внутрь пьесы, что они большой воли режиссерам не дают. Все, что касается постмодернистского дискурса, абсолютно к Володину неприменимо. И те спектакли, которые пытаются расшатать эти основы, по моему, как произведения искусства оказываются несостоятельными. Пример — пьеса «С любимыми не расставайтесь»: в традиционном виде уже не интересна, а распотрошенная на ходы и уловки — откровенно странна. Это феномен любопытный. О нем можно поговорить.

Мария Сизова — организатор и куратор третьей научной конференции «Володин в контексте драматургии XX–XXI веков», кандидат искусствоведения:

Для меня в этом году одной из основных задач конференции стала проблема столкновения двух типов сознания — сознания театроведческого и филологического. Поскольку я человек «половинчатый» — по образованию филолог, аспирантуру заканчивала

ИЗ ВОЛОДИНА

И все же
рассветы восходят и светят...

Полина КОРШУНОВА

как театровед — то мне было интересно создать такую, пусть и небольшую, группу, в которой нашлось бы место и филологам, и театроведам. По-моему, это интересно: посмотреть, как драматургию Володина оценивают люди, работающие собственно со словом. Я го-

ворю о литературоведах. И как к наследию Александра Моисеевича подходят люди театральные, привыкшие иметь дело не с текстом, а с его интерпретацией, определенного рода толкованием, ведь каждый спектакль, так или иначе, является лишь вариантом пьесы.

ВОЛОДИНСКИЕ ЧУДИКИ И ФРИК-КАБАРЕ

Прологом к основной программе стал концерт белорусского фрик-кабаре-бэнда «Серебряная свадьба»: каждую из песен команда обращает в самостоятельный театрализованный номер с использованием реквизита, костюмов, декораций, мультипликационной проекции и непременно кукол: по образованию солистка Светлана Бень — режиссер кукольного театра. Синтетический музыкальный стиль «Свадьбы» — это сплав шансона, диксиленда, кантри, русского фольклора.

Биография группы окутана легким флером таинственности — так, у каждого из участников есть сценический псевдоним: Беньке, появляющейся на сцене в сопровождении миниатюрной концертной группы, аккомпанирует целый «уличный» оркестр — Франческа-Мария Василевска — скрипка, Джордж Пунш — банджо, Вильям Габбс — контрабас, Братья Люмьер — труба и тромбон.

Лирическая героиня солистки — кокетливая и чуть жеманная, ранимая, по-детски восторженная, влюбленная во все французское женщина без возраста. На сцене Бень — звезда кабаре, облаченная в неизменные корсет, чулки и юбку, напоминающую балетную пачку, обладательница томного голоса и экстравагантных манер. Будто бы стремясь отыскать себя, эта дама примеряет маски самых различных трагикомических персонажей — потерянных, одиноких, в то же время, ироничных, язвительных, гордых, самовлюбленных, нередко — воинственно-эгоистичных. Это может быть экзальтированная декадентка в шляпе с «траурными перьями», Кармен, Женщина-Пиявка или же изолировавшаяся от окружающих обительница «восхитительного дна»... Поводом для самоироничной рефлексии героинь «Серебряной свадьбы» чаще всего служит несчастная любовь, но также и трагическое ощущение бес-

смысленности бытия, повергающее тонких, беззащитных мадам в депрессию, заставляющее облачаться в безумные наряды, кружиться в танцах, напиваться до беспамьяства, кокетничать с незнакомцами...

Связующим звеном между номерами концертной программы в этот раз

ИЗ ВОЛОДИНА

Музыка — беседа с Богом.
Поначалу как могла —
визги дудки, рыки рога,
где не свет еще, а мгла.
Научилась понемногу
светлым громам,
струнным звонам...
Разговаривает с Богом,
слушающим изумленно.

стала поэзия — по словам самой артистки, на вчерашнее выступление их вдохновила лирика Володина. Тексты «Серебряной свадьбы» действительно во многом эстетически перекликаются с володинскими трагифарсами и трагикомедиями. Чудаковатые, маргинальные герои Володина,

находящиеся в конфликтных отношениях с социумом, совершающие тщетные попытки отыскать в нем свое место, рьяно отстаивающие свою исключительность, — в сущности, те же современные «фрики», воспетые в текстах Светланы Бень.

Артистка, наделяя особой пластикой, мимикой, интонациями каждую из героинь, с помощью незатейливого реквизита и костюмов легко перевоплощается из старухи в маленькую девочку, из томной дамы преклонных лет в юную кокетку. В номере «Как мал наш городок!» на стихи Вальтера Мeringа она появляется в образе запуганного, стыдливого мужчины в длинном пальто, съехавшей на бок фетровой шляпе, рука которого намертво вцепилась в ручку старого обтрепанного чемодана.

В большинстве номеров программы задействованы куклы — они «иллюстрируют» повествуемые истории, комментируют происходящее, иногда выступают от лица автора. Так, лысый мужчина с остроконечным затылком, с крохотными глазками и разбухшим носом, одетый в бесформенный плащ, нервно перебирающий пальцами (куклой управляют Бень и один из музыкантов) читает монолог из «Истории маленького человека» (на стихи Саши Черного). В «Пищевой цепочке» петь начинает червяк, перемещающийся приставными шагами по микрофонной стойке. Лохматый Пес Баскервиль, размеры головы которого в два раза превышают размер тела, сидя на плече у солистки, кивает в такт музыке, иногда, соглашаясь с произнесенным, довольно приоткрывая алую пасть, а в кульминационный момент — в глазах у собаки загораются неоновые лампочки, добавляя образу «инферральности» и шарма. В одной из сценок героиню преследует костлявая смерть-марионетка в красном балахоне. У «Серебряной свадьбы» даже прозрачные полиэтиленовые пакетики на сцене начинают жить своей жизнью.

Несмотря на то, что артистам, без сомнения, было нелегко освоиться в новом театральном пространстве, публика приняла их весьма радушно — особенно зрителям полюбилась пронзительная композиция «Черная речка» о дуэли между Пушкиным и Дантесом. Песня, как заметила Марина Юрьевна перед началом выступления, символична, ведь «Саша» — один из псевдонимов Во-

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

(ГР. «СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА»)

Саша, Саша, погоди,
Саша, Саша не ходи
На речку, на Черную речку
Там конечная

Саша, Саша, посмотри
Как красиво снегири
Танцуют на веточках
Подумай о деточках
Сядь, покури, Саша
Сядь, покури, подумай

Черная речка, черный пистолет
Какая встреча, такой и привет
Черная речка, черный пистолет
На снегу два человечка
Хлоп и одного уже нет
Нет нет нет нет нет нет
Саша, не ходи, подумай
Нет нет нет нет нет нет
Саша, не ходи, не ходи

Вот шампанского ведро,
Вот «Женитьба Фигаро»,
Но не ходи на речку,
На Черную речку!

Саша, Саша, Саша, Саша!
Ты же солнце наше,
А Дантес — да что с Дантесом,
Иди он лесом!

Там ветер, лед, Саша,
Там пуля в живот...

Черная речка, черный пистолет,
Какая встреча, такой и привет.
Черная речка, черный пистолет,
На снегу два человечка,
Хлоп, — и одного уже нет...

Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет,
Саша не ходи, подумай!
Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет,
Саша, не ходи, не ходи!
Черная речка, черный пистолет,
Какая встреча, такой и привет.
Черная речка, черный пистолет,
На снегу два человечка,
Хлоп, — и одного уже нет...

Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет,
Нет, нет, нет, нет, нет, нет,
Нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет,
Нет, нет, нет, нет, нет, нет...

лодина, он родился в день смерти поэта. Подпевать «Серебряной свадьбе» на сцену вышли и организаторы фестиваля, и сидевшие в зале актеры, и простые зрители, которые от полученного драйва не смогли усидеть в тесных театральных креслах.

Анастасия ТРУШИНА

Перья пробовали:

Ольга Говорова,
Полина Коршунова,
Дарья Макухина,
Яна Постовалова,
Анастасия Трушина и Ксения Ярош
Верстка: Юкка Малека.